

блейк пирс

A black and white photograph showing the silhouette of a person with long hair, seen from behind, looking out of a multi-paned window. The person's arm is extended towards the window frame. The window panes are dirty and weathered, with some light coming through. The background is dark.

возвращение
домой

книга №5 из серии психологических триллеров о хлое файн

Блейк Пирс
Возвращение домой
Серия «Загадки Хлои Файн –
Психологический детектив», книга 5

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74375598
ISBN 9798261457992*

Аннотация

Это книга номер пять в новой серии психологических триллеров автора-бестселлера Блейк Пирс, чьи бестселлеры номер один получили более тысячи пятизвездочных отзывов. Когда два мужа, лучшие друзья, оказываются мертвы в богатом пригородном городке, специальный агент отдела ВИКАП ФБР Хлоя Файн, двадцать семь лет, призвана разоблачить ложь в этом маленьком городе и найти убийцу. Хлое придется проникнуть за идеальный фасад этого города, заглянуть за его внешнюю благопристойность, чтобы понять правду о том, кем были эти мужчины и кто мог желать им смерти. А в городе, который процветает благодаря своей исключительности, сделать это будет непросто. Какие секреты скрывали эти мужья? Эмоционально напряженный психологический триллер с многогранными персонажами, атмосферой маленького городка и захватывающим дух саспенсом – это книга номер пять в

увлекательной новой серии, которая заставит вас переворачивать страницы до глубокой ночи.

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	10
ГЛАВА ВТОРАЯ	16
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	24
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	32
ГЛАВА ПЯТАЯ	37
ГЛАВА ШЕСТАЯ	50
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	58
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

БЛЕЙК ПИРС

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

**КНИГА №5 ИЗ СЕРИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ТРИЛЛЕРОВ О ХЛОЕ ФАЙН**

ПРОЛОГ

Шерри Ланц не была из тех, кто склонен к сентиментальности, зато праздники любила. Поэтому по дороге домой с работы она чуть-чуть превышала скорость. На соседнем сиденье в одном пакете лежали два стейка, в другом – бутылка красного вина. Сегодня у них была годовщина: с Бо Ланцем они прожили в браке уже двадцать один год, и это была первая годовщина, которую они отмечали без сына в доме. Шерри надеялась, что после отъезда Люка их отношения станут поострее, но не стало. Если уж на то пошло, казалось, что это только вбило клин между ней и Бо.

Они не спали друг с другом уже две недели, а в последний раз – это вообще случилось мимолётно, почти ни о чём, утром перед работой. Но чёрт возьми... сегодня годовщина, и сегодня она своё получит. А если он сам к ней не потянется, то на прошлой неделе она заказала в интернете одну особенно развратную штучку – и собиралась, по сути, пойти в атаку.

Домой она приехала в 5:25 – минут на пять раньше обычного. Пикап Бо стоял на подъездной дорожке, значит, он тоже уже был дома. Ничего удивительного: он почти всегда приезжал раньше неё.

Припарковавшись и выйдя из машины, она вдруг подумала, что Бо может и не помнить, какой сегодня день. Обычно

он хорошо запоминал важные даты, но в последнее время был каким-то не таким. С тех пор как Люк уехал в колледж, Бо стал отстранённым и будто бы сам не свой.

И всё же... если он вдруг забыл про годовщину, она взбесится. Но поскольку ей до дрожи хотелось запрыгнуть на него прямо сейчас, она решила: злиться можно и завтра.

Она вошла в дом – и наткнулась на тишину. Пройдя в объединённую гостиную с кухней, она увидела, что Бо там нет. Странно: почти каждый день под вечер он либо сидел за кухонным столом и отвечал на последние рабочие письма, либо на диване догонял новости.

Сначала Шерри растерялась, но затем на губах мелькнула улыбка. Может, он не только помнит про годовщину, но и так же возбуждён, как и она. Она поставила стейки и вино на кухонную столешницу и медленно направилась вверх по лестнице, что находилась между гостиной и кухней. Шерри знала: Бо не из тех мужчин, кто соблазняет лепестками роз и тихой музыкой. Ни один из них не был особенно романтическим.

И Шерри это устраивало. Честно говоря, она была бы не менее довольна, если бы он выскочил из-за двери спальни и тут же прижал её к стене. От одной мысли об этом в ней вспыхнул жар, и, приближаясь к верхней площадке, она невольно ускорила шаг.

– Бо? – позвала она, нарочно добавив в голос игривости. Она прошла мимо ванной и остановилась у двери их

спальни. Дверь была закрыта, и Шерри попыталась вспомнить, закрывала ли её утром, уходя. Она была слишком взбудоражена, чтобы рассуждать трезво, и распахнула дверь, ожидая, что он сейчас схватит её – или, если ей совсем повезёт, окажется растянувшимся на кровати голым и уже ждущим.

Не случилось ни того, ни другого. Она нахмурилась и обернулась в коридор. *Где его носит?*

Потом до неё дошло: она же написала ему, что везёт домой стейки. Она чуть было не закончила сообщение словами «к нашей годовщине», но передумала – надеялась, что он и сам вспомнит. Раз уж он знал, что она везёт стейки, значит, скорее всего, он на веранде и уже разжигает гриль.

Немного разочарованная тем, что в спальне её не ждал сюрприз, Шерри спустилась обратно вниз. Она едва не принялась сразу собирать специи и приправы для стейков, но решила, что сначала хочет увидеть Бо. Может, подарит ему сочный поцелуй – чтобы посеять зерно того, чего она ждала позже этой ночью.

Она распахнула дверь на веранду и вышла наружу. Уже закрывая дверь за собой, она увидела Бо. И сперва это не укладывалось в голове.

Он лежал на веранде лицом к двери. Глаза широко раскрыты, не моргают, а изо рта торчит что-то тёмное – мягкое, круглое. Она пыталась понять, что у него во рту, но тут заметила лужу крови вокруг головы. Кровь была очень тёмная,

густо-красная, и ещё не успела подсохнуть.

– Бо...?

Разумеется, Бо не ответил.

Шерри почувствовала, как крик ползёт из горла наверх. Когда он наконец вырвался, она поняла, что чувствует запах жидкости для розжига и разогревающихся углей. Бо *правда* вышел разжечь гриль. Внезапно запах угля стал единственным, что она вообще осознавала, когда рухнула на колени и, захлёбываясь, завывала от боли рядом со своим мёртвым мужем.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Это Даниэль... оставь сообщение после сигнала.»

Хлоя закончила звонок и положила мобильный на стойку. Она посмотрела в окно бара, который выбрала наугад. В четверг днём она пила в одиночестве – всего через два дня после того, как закрыла своё последнее дело. Её до сих пор ломило от последствий, но сейчас это было меньше всего важно. Глядя, как поздний солнечный свет золотит улицы Вашингтона, Хлоя начинала всерьёз беспокоиться о Даниэль.

С сестрой она не разговаривала уже два дня. Понимала, что два дня – пустяк, чтобы волноваться, но после того, как в последнее время всё складывалось между ними, она не могла не тревожиться. К тому же дело было не только в том, что Даниэль, судя по всему, выключила телефон: Хлоя заезжала и к ней домой, но дверь никто не открыл.

Хлоя допила вторую за день бутылку пива и посмотрела на часы в телефоне. 5:17 – целых полчаса с тех пор, как она проверяла в последний раз. Она и не помнила, когда её в последний раз так терзала тревога, когда так хотелось постоянно сверяться со временем.

Она смутно заметила, как к ней подошёл бармен. Кивнул на пустой стакан и спросил:

– Ещё?

Она чуть не сказала «да». Хлоя напивалась редко, но сей-

час подумала: а вдруг, если продолжать пить и пить, она перестанет переживать? Может, наберётся так, что возьмёт такси, доедет домой, отключится, а утром проснётся и поймёт, что зря накручивала себя.

Но это на неё не похоже. Это не похоже на ту новую Даниэль, с которой я только начала знакомиться.

– Нет, спасибо, – сказала она. – Счёт, пожалуйста.

Он пошёл к кассе, а Хлоя снова взяла телефон. История вызовов ясно показывала, насколько она изводила себя тревогой – особенно сегодня днём. Она даже дошла до того, что позвонила в стрип-клуб, где Даниэль работала барменом. И вот тогда она по-настоящему испугалась. Менеджер Даниэль сказал, что два дня назад она позвонила и взяла больничный, сославшись на мононуклеоз или какую-то ангину.

Но если так, то дома она не отсиживалась. И на звонки не отвечала. Это совсем не вязалось одно с другим: разве отключают телефон, когда болеют?

Бармен протянул ей счёт, и она пододвинула кредитку. Подписывая чек, она задумалась, не стоит ли заявить о пропаже человека. Глупость; если бы кто-то подал такое заявление в похожей ситуации, а у неё самой была возможность разрулить всё по-своему, она бы наверняка закатила глаза и махнула рукой. К тому же... с учётом прошлого Даниэль заявление о пропаже – последнее, что ей сейчас нужно. Учитывая прошлое Даниэль, не так уж трудно предположить, что та просто решила собрать вещи и уехать куда-нибудь ещё.

Нет, не эта новая Даниэль...

Хлоя вышла из бара ещё более раздражённой, чем до этого. Она попыталась выбрать какое-то одно чувство – тревогу или злость, – но выяснилось, что они до жути хорошо сочетаются. Направляясь к своей квартире, она старалась убедить себя, что ведёт себя по-дурацки. Она ненавидела то, как уверилась, будто что-то не так. Она никогда не была из тех, кто переживает; в любой ситуации она всегда находила логичную причину *не* переживать. Она была уверена: стоит ей перестать заикливаться, как Даниэль позвонит и скажет, что просто сорвалась с места и умотала навестить старых друзей где-нибудь в Мэриленде или типа того.

Как только эта хлипкая мысль мелькнула у неё в голове, зазвонил телефон.

Сердце сразу подпрыгнуло. Она была настолько уверена, что это Даниэль, что даже не посмотрела на экран. Ей даже пришлось удержаться, чтобы не произнести имя сестры, когда она ответила.

– Алло?

– Агент Файн... привет, – сказал мужской голос. Ей понадобилась секунда, чтобы узнать его, и когда она узнала, ей стало стыдно за своё разочарование. Это был Кайл Моултон. В другое время она, возможно, обрадовалась бы его звонку, но после того, как так отчаянно ждала сестру, разговор с ним почти не ощущался событием.

– Привет, Моултон.

– Прости, что звоню ни с того ни с сего, просто выдалась минутка. Обычно мне позволяют звонить примерно в это время, где-то дважды в неделю, и я подумал – проверю, как ты там.

– Нормально. – Она сделала паузу, морщась от собственной лжи и от того, насколько выдуманно прозвучали её слова. – Знаешь что? – сказала она. – Вообще-то мне сейчас тяжело.

– Работа?

– Нет. Личное.

– А, понятно. Господи, Файн. В прошлый раз, когда мы говорили, это личное дерьмо тебя тоже жрало. Лучше не стало?

– Для человека, который сидит за решёткой и не может поддержать меня эмоционально, ты задаёшь слишком уж насущные вопросы.

Он хмыкнул, хотя смешного в этом было мало.

– Знаю. Прости. Но, слушай, там за кулисами кое-что крутится... всё законно. Похоже, срок могут заметно сократить. Хотя шанс, что я когда-нибудь вернусь работать в бюро, кажется совсем мизерным.

– Будем надеяться.

Он помолчал минуту, и когда снова заговорил, в его голосе появилась тяжесть.

– Слушай... я просто хотел сказать «привет». Не думал, что всё это личное до сих пор тебя гложет. Я могу перезво-

нить как-нибудь в другой раз.

– Нет, всё нормально. Просто... день выдался паршивый.

Она уже почти рассказала ему о своих подозрениях насчёт Даниэль, подумав, что он мог бы дать толковый совет. Но решила, что это слишком личное – и что в этом проявится какая-то её параноидальная сторона, которую она пока не готова показывать Моултону.

– Так... я правильно понимаю, с твоим отцом, сестрой и дневником ничего не решилось?

– Нет... это как-то...

Она остановилась – не только говорить, но и идти. До её дома оставался всего один квартал, но она успела напрочь об этом забыть.

– Файн?

– Да...

Я даже не подумала о папе. Я давно с ним не разговаривала... уж точно не в последние несколько дней...

– Моултон... ты, кажется, помог мне на что-то наткнуться. Мне надо бежать.

– Эй, я рад, что хоть чем-то помог, – сказал он чуть веселее. – Пока, Файн.

Хлоя закончила звонок и сразу же набрала номер отца. Она прижала телефон к уху и услышала лишь секунду тишины, а потом – приветствие автоответчика. Она постояла так немного, пытаясь решиться – стараясь не накручивать себя и не думать о худшем.

Но, если честно, всё это не складывалось. Учитывая, как сильно отец, казалось, хотел помириться, у него не было ни малейшей причины избегать её звонков. Конечно, было бы натяжкой предполагать, что и он тоже сбежал из города или пропал, но то, что от Даниэль она получала тот же самый ответ... это было слишком, чтобы отмахнуться.

Хлоя убрала телефон в карман и остаток пути до своей квартиры пробежала. Тревога уже перетекала в страх, и ей вдруг почудилось, что каждая проходящая минута может только усугубить эту загадку.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ровно шестнадцать минут прошло между тем, как Хлоя получила звонок от Молтона, и тем, как она припарковалась перед домом, где была квартира её отца. Его машина стояла на месте – хороший знак, как ни крути. Но это почти ничуть не помогло унять дрожь паники, которая, казалось, росла с каждой минутой. Она взлетела по лестнице и настойчиво постучала в дверь.

Она подождала несколько секунд – ответа не было. Она постучала снова, на этот раз громче. Наклонилась, почти уткнувшись носом в дверь, и сказала:

– Папа, открой.

И снова – тишина. Ни на что не надеясь, она дёрнула ручку и с удивлением обнаружила, что дверь не заперта. Но стоило ей распахнуться, как Хлоя поняла, насколько это странно. И внезапно незапертая дверь прибавила ещё один пункт к её тревоге.

Она вошла внутрь, закрыв дверь за собой. Таунхаус был тихим и аккуратным. Она шагнула в гостиную, оглядывая всё так, будто до конца этому месту не доверяла. Она искала любые признаки того, что случилось что-то необычное, но не находила ничего – кроме того факта, что входная дверь была открыта.

Она вышла из гостиной и прошла по узкому коридору в

спальню. И снова – ничего подозрительного. Кровать застелена, у комода – небольшая кучка грязной одежды. Хлоя осознала, что невольно заглядывает в чужую, новую жизнь отца, и от этого ей стало не по себе. Она не хотела думать о нём как о *новом*; она уже смирилась с тем, каким человеком он был на самом деле, и именно таким она и хотела помнить его всегда.

Она вышла из спальни, уже жалея, что вообще пришла сюда. Но раз уж она здесь, решила, что стоит осмотреть всё как следует. Она направилась на кухню – и ещё до того, как вошла, заметила первое, что было не на своём месте.

Чайник валялся на полу. Вокруг не было ни капли воды, и лежал он примерно в двух с половиной метрах от плиты, где ему и полагалось стоять. Медленно она наклонилась, чтобы поднять его. Пальцы замерли в воздухе, зависнув в каких-то сантиметрах от ручки.

На боку виднелось пятно – что-то тёмно-красное на фоне стального корпуса. Это было не брызги – скорее одна капля, примерно с монету. Этот оттенок тёмно-красного она видела слишком много раз за время работы в бюро, чтобы тратить хоть секунду на догадки.

Это была кровь. *Засохшая* кровь – значит, она была на чайнике как минимум восемь-десять часов. Скорее всего, дольше.

Она опустилась на колени возле чайника и попыталась в уме выстроить хоть какую-то версию. Первая мысль была та-

кой: Даниэль зачем-то заехала сюда, а отец набросился на неё – возможно, увёз силой. Но это не сходилась хотя бы потому, что его машина всё ещё стояла здесь. И потом, если бы нападение и похищение были спланированы, он бы куда тщательнее позаботился о том, чтобы не оставить улику. А чайник был слишком уж бросающейся в глаза уликой.

Значит, если это не так, то что же произошло?

Она не знала. Возможных ходов мысли было много. Одно она понимала точно: незапертая дверь, кровь на чайнике и теперь двое пропавших – всего этого достаточно, чтобы официально подать заявление, пусть пока и на одних предположениях.

Хлоя достала из кармана телефон и уже почти набрала номер директора Джонсона. Но она понимала: это будет ошибкой. Любое дело, начинающееся вот так, сначала всегда ведёт местная полиция. Даже если ей казалось, что бюро справится лучше, потому что ей известна предыстория двух пропавших, сейчас это дело полиции – пока что.

Она позвонила в полицию и, слушая, как на том конце провода отвечает женщина, смотрела на каплю крови и гадала, чья она – отца или сестры.

Странное, почти нереальное чувство – быть той, кого допрашивают. Детектив, который записывал её показания, яв-

но понимал, по какой тонкой земле ступает. В конце концов, снять показания у агента ФБР по семейному делу – это могло стать для него шансом заработать себе золотую звёздочку в личном деле. С другой стороны, он наверняка сознавал и то, что агент ФБР, скорее всего, оценивает его так же пристально, как он делает свою работу.

Хлое было его даже жалко... потому что она и правда его оценивала. Очень высокий, лет под пятьдесят. На вид скучающий, но при этом настороженный – ровно то выражение, которое она сотни раз видела у других детективов.

Работал он неплохо, хотя к ситуации явно относился с недоверием. Он приехал с двумя полицейскими, и оба до сих пор осматривали дом. Хлоя держалась вежливо, не говоря им, что уже сама всё здесь тщательно осмотрела.

– И вы говорите, дверь была не заперта? – спросил детектив.

Они сидели на высоких табуретах у кухонной стойки и оба оглядывали помещение, словно могли упустить что-то важное. – Да, – ответила Хлоя.

– Вы знаете, он обычно оставлял её незапертой?

– Нет, понятия не имею. Но вряд ли. Он всего месяц как в Вашингтоне. Сомневаюсь, что он уже чувствовал себя здесь в полной безопасности.

– Можете предположить, почему ваш отец мог пригласить к себе вашу сестру?

Она не собиралась упоминать, что Даниэль вломила в

собственную квартиру, чтобы украсть дневник их матери. Это поставило бы Даниэль под слишком пристальное внимание, а злодеем здесь был отец. Хлоя отлично понимала, что это помешает расследованию, но выбора не было – придётся солгать.

– Ничего такого в голову не приходит, – сказала Хлоя. – Отец пытался снова наладить с нами связь, хотел помириться. У нас, у троих, отношения натянутые. Даниэль всегда была чуть охотнее верить в его байки. – Вот она, ложь. – Так что, может, он просто позвал её, чтобы сблизиться. Не знаю.

– Но, судя по чайнику и крови на нём, всё могло пройти не так уж гладко, – заметил детектив.

– Этого я и боюсь.

– Меня только одно смущает: чайник – это всё, что у нас есть, – сказал детектив. – Да, кровь есть, но где следы борьбы?

– По-моему, кровь и есть следы борьбы.

– И вы уверены, что это именно ваш отец им орудовал? Есть шанс, что это могла быть кровь *вашего* отца?

– Крайне сомнительно, – сказала Хлоя.

Но едва он успел задать вопрос, как она начала обдумывать другую возможность – ту, на которую была слепа, потому что слишком переживала за Даниэль. Если дверь была не заперта и не было следов борьбы... всё больше указывало на то, что нападавшей была Даниэль, а не жертвой. Она могла уйти в спешке, забыв запереть дверь. И ей было бы куда про-

ще застать их отца врасплох чайником – он ни за что бы не заподозрил, что она способна на него напасть.

Впрочем, она оставила эти мысли при себе. Она не могла мысленно поставить Даниэль на место нападавшей. Она заметила, как детектив смотрит на неё с подозрением, будто догадывается, в какую сторону у неё бегут мысли. Через пару мгновений он нацарапал что-то в маленьком блокноте, который держал всё это время, и поднялся.

– Ну, вы знаете, как это бывает, агент Файн, – сказал он. – Пока у нас есть только эта кровь. Мы отправим её на анализ, как вы понимаете. И вы, вероятно, получите результаты быстрее меня. Но мы всё равно её изымем и запустим процесс.

– Спасибо.

– И ещё: пожалуйста, дайте нам знать, если вспомните что-нибудь ещё. Если, знаете... если вам придёт в голову ещё что-то.

По тону было слышно: ему кажется, будто она что-то скрывает. Но выражение лица говорило и другое – его это устраивает. Она была уверена: работая детективом в Вашингтоне, он наверняка уже сталкивался с делами, где замешаны агенты, или работал с теми, кто сталкивался. Насколько знала Хлоя, для него это могло быть обычным делом.

Ей пришлось напомнить себе об этом. Скорее всего, он видел в ней не перепуганную сестру, а рассудительного агента, который понимает: есть порядок. И чёрт возьми, она по-

нимала, что есть порядок. Она не могла ожидать, что все забудут правила и регламенты только потому, что для неё это до боли личное.

– Я сообщу, – сказала она. – И спасибо.

– А пока мы объявим ориентировку на вашу сестру и её машину.

Детектив ушёл в сторону спальни – к другим офицерам. Хлоя тоже поднялась, не понимая, куда идти и что делать. Она по-прежнему была уверена: в этой истории неправ её отец; Даниэль в прошлом совершала отвратительные поступки, но Хлоя не думала, что та способна на убийство.

А вот их отец – способен. Их прошлое это доказало.

И если он и Даниэль оказались вместе при напряжённых обстоятельствах, Хлоя не сомневалась: ради того, чтобы остаться на свободе, их отец пойдёт на что угодно.

Она направилась к двери, решив, что следующий логичный шаг – съездить к Даниэль. Может, там найдутся подсказки, может, какие-то доказательства, что—

Её ход мыслей снова прервал мобильный. Она поспешно выхватила его, на этот раз прежде чем ответить прочитала имя на экране. Она и не ожидала увидеть там Даниэль – и была так же разочарована тем, что увидела.

Дир. Джонсон.

Она ответила осторожно, не желая, чтобы Джонсон хоть как-то понял, что она вызывала полицию. Чем меньше Джонсон знает о её семейных проблемах, тем лучше.

– Это Файн, – сказала она.

– Файн, это Джонсон. Вы сейчас в городе?

– Да, сэр.

– Отдохнули? Последние два дня пошли вам на пользу?

– Чувствую себя отлично, сэр.

– Хорошо. Слушайте, понимаю, что это почти без предупреждения и фактически поверх вашего прошлого дела, но мне нужно, чтобы вы приехали. Хочу обсудить с вами ещё одно потенциальное дело. Это довольно срочно, так что я был бы признателен за скорость.

На мгновение её накрыло: как вообще вести новое дело, когда тут разворачивается весь этот кошмар с Даниэль и отцом. Но она знала: если откажется приехать, Джонсон начнёт задавать вопросы. А чем больше вопросов – тем ближе он окажется к правде.

– Я буду через десять минут, – сказала она.

– Отлично.

Джонсон завершил звонок, оставив Хлою оглядывать квартиру отца. Она постояла в тишине еще мгновение и лишь потом направилась к двери, чувствуя, будто бросает не только тайну, скрытую внутри, но и собственную сестру.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Даниэль знала, что когда-то жила ядовитой жизнью — жизнью, которой управляли ее скверный вкус на мужчин, слабость к излишнему алкоголю и наркотикам и неприязнь к любой власти. Она знала это и не отрекалась. Признать это было, как она понимала, важной частью того, чтобы оставить все позади. Но в том мерзком прошлом было и хорошее: оно не давало ей задерживаться на месте — из одного жилья в другое. Из одного штата в другой.

С семнадцати до двадцати пяти она успела пожить в девяти городах пяти разных штатов. Так она и узнала о Миллсиде, штат Техас.

Миллсид был дырой. Когда она жила здесь четыре года назад, крошечный городок уже дышал на ладан. Населения — меньше четырехсот — едва хватало, чтобы не закрылись круглосуточный минимаркет и лавка со всем подряд, торчавшие в центре, как две размазанные мухи по пыльному лобовому стеклу.

Тут даже не было толком жилого района. Несколько домов стояли вперемешку вдоль неразмеченных двухполосных дорог, а потом, перед самой чертой, за которой обещались места получше, тянулись два трейлерных парка. Даниэль жила в одном из них — тяжелые, шершавые семь месяцев своей жизни. По парку ходил мет, и как она умудрилась не попасть-

ся на крючок именно этого зелья, ей и самой было непонятно. Мужик, с которым она тогда жила, подсел и сейчас отбывал срок за несколько статей – за распространение.

Но, приехав в Миллсид чуть меньше двух дней назад, Даниэль проехала мимо того трейлерного парка, даже не притормозив. Она, если честно, удивилась, что он до сих пор не развалился. Она проехала еще примерно восемьсот метров дальше по дороге – к зданию, про которое ей сказали, что когда-то это была бойня. Невзрачная коробка, спрятанная за пустырем, заросшим бурьяном, вьюнами и колючими кустами. Здание выглядело еще хуже, чем она помнила; в его тусклой, загаженной неприметности ясно читалось: здесь занимались темными делами; после того как здесь перебили тысячи свиней, тут еще варили мет и делали дешевый экстази. Она знала это по той компании, с которой тогда водилась – жалкой компании, из-за которой она вообще оказалась в Миллсиде.

А теперь Даниэль гадала, не привела ли ее в Миллсид какая-то другая причина – может, даже свыше. Ей было противно, что это место первым пришло в голову, когда возникла начальная идея, но оно *и правда* подходило идеально.

Стоя у бойни и глядя через заросшее поле, она думала о том, как иногда жизнь будто замыкается в круг и возвращает ее туда, откуда она еле-еле вырвалась. Она курила сигарету – не делала этого с тех пор, как уехала из этого жалкого подобию города, – и размышляла, что делать дальше.

Она привезла сюда отца, чтобы убить, и теперь дошла до точки невозврата. Огромная ее часть хотела позвонить Хлое и все рассказать. По меньшей мере ей хотелось, чтобы сестра знала: с ней все в порядке. Она считала, что должна Хлое хотя бы *это*.

Да и... то, что она только что сделала, касалось их обеих. Для Даниэль это означало, что ей, скорее всего, уже не вырваться из случившегося... что расплачиваться придется до конца жизни. Но для Хлои все будет иначе. Там будет совсем другая травма – она проживет оставшуюся жизнь, пытаясь понять, почему сестра на такое пошла.

Даниэль ненавидела, что скучает по Хлое. Она прожила почти десять лет без сестры – и вроде бы справлялась. Только вот *вроде бы* – это, мягко говоря, натяжка. Все эти годы она просто *выживала*, и ничего больше.

Она сделала последнюю затяжку, уронила сигарету на землю и растоптала. Вкус ей был противен, но эта привычная горечь почему-то казалась уместной. За последние сутки с небольшим она выкурила полпачки; это помогало ей успокаиваться, но одновременно убеждало: когда она закончит то, что должна сделать, вернуться к этой зависимости по-настоящему уже не получится.

Когда она вошла обратно на бойню, это было словно шагнуть в другой мир. Может, в один из тех постапокалиптических миров, что сейчас так популярны по телевизору. В какой-то момент в прошлом офисную часть скотобойни снес-

ли и увезли по кускам; на дальнем краю поля виднелись обломки бетона и ржавого железа, почти поглощённые густой, упрямой зеленью. Остался лишь большой бетонный прямоугольник, где и происходил забой. На полу тянулись пятна, все – к ржавым металлическим решёткам в полу. Даже в своём нынешнем состоянии Даниэль не могла представить, что за вещи проходили сквозь эти решётки, просеиваясь вниз.

Она пересекла то, что про себя называла «убойным полом», и направилась в одну из двух больших камер в глубине здания. От убойного пола их отделяла лишь невысокая перегородка, так что получались отдельные помещения с лёгким выходом на площадку.

Внутри этой комнаты Эйден Файн висел, удерживаемый за поднятые руки верёвкой, которая была закреплена на металлической направляющей под потолком. Даниэль предположила, что когда-то эти рельсы и верёвки использовали, чтобы привязывать свиней и медленно подводить их к смерти. Теперь же они удерживали на месте её отца. Руки у него были подняты почти строго вертикально, верёвка туго стягивала запястья.

– Даниэль, – сказал он. – Пожалуйста... подумай. Тебе не обязательно это делать. – Голос у него был надсадный и сухой. По крайней мере, он уже не плакал. Господи, как же она ненавидела его плач – там, когда они пересекали границу Техаса: рыдания из багажника пробивались даже сквозь её громкую музыку.

– Опять это? – спросила она. Она села на низкую стопку старых деревянных поддонов, сваленных в дальнем углу. Посмотрела на отца, осознала, что сделала это с ним она, и задумалась, в какого чудовища превращается.

– Даниэль, я...

– Ты что?

– Прости.

Она подошла ближе и заглянула ему в глаза. Ему было больно – из-за того, как руки тянули вверх, – и он явно был измотан. Ступни твёрдо стояли на полу, но угол, в который его заставляли выворачивать плечи, наверняка делал всё тело адски ломким.

– За что прости? – спросила Даниэль.

Он будто задумался. Она успела подумать, не решается ли он наконец признаться во всех своих преступлениях. Но в конце концов он не сказал ничего. Даниэль нахмурилась, кивнула и прошла к стене, где у неё стоял маленький пластиковый пакет из супермаркета. Внутри были бутылки воды и крекеры. Она открутила крышку у одной бутылки и подошла к нему.

– Открой, – сказала она.

Он прищурился, и на миг ей показалось, что в его взгляде мелькнул гнев. Но тот быстро сменился какой-то глухой, бессильной покорностью, и он раскрыл рот – впервые за более чем сутки, чтобы глотнуть воды.

Она медленно лила ему в рот, а он жадно глотал. Она про-

должала, пока он не начал захлёбываться и кашлять. Закончив, Даниэль закрутила крышку и вернулась на свою стопку поддонов.

– Чего ты хочешь? – спросил Эйден. – Я не знаю, что ты, *по-твоему*, я сделал, но...

– Давай не будем прикидываться дурочкой, пап. Ты к этому давно шёл. Я знаю, тебе сердце рвёт оттого, что я больше не та восьмилетняя девчонка, которую можно запугать и помыкать. Наверное, больно понимать, что ты больше не можешь нависать надо мной. Господи... да я бы всё отдала, чтобы тогда иметь возможность сделать с тобой это...

– Это из-за твоей матери? – в его голосе прозвучало почти удивление, и от этого Даниэль взбесилась ещё сильнее.

– Отчасти. В основном. Мы знаем, пап. Мы видели дневник.

– Какой дневник?

Даниэль медленно поднялась со своего сиденья из поддонов, подошла к нему и со всей силы влепила пощёчину. Его тело качнуло от удара, верёвка и балка над головой жалобно скрипнули.

– Попробуй ещё раз, – сказала она.

Эйден Файн оглядел пустую комнату, ошарашенный, и явно пытался придумать какую-нибудь чушь, чтобы её успокоить.

– Не утруждайся, – сказала она. – Мне нужна правда. Дневник у нас, и мы его прочли. Мы знаем, пап. Мы знаем

всё.

Она смотрела, как его глаза пытаются сфокусироваться на её лице. Она видела, как в нём одна за другой вспыхивают эмоции – от злости к страху, от страха к обиде. В конце концов он выбрал беспомощность.

– Пожалуйста, Даниэль. Подумай хорошенько.

– Я уже подумала, – сказала она, отворачиваясь. – Может, даже слишком хорошо.

Она вернулась к пластиковому пакету и достала ещё две вещи: чистую тряпку из мастерской и мамин дневник. Положила дневник на стопку поддонов и понесла тряпку к отцу. Медленно прижала её к его рту и туго вдавила. Выбрав слабинку, завязала сзади на затылке, получился грубый, но действенный кляп.

Потом она вернулась к поддонам, села и раскрыла дневник.

– С чего начнём? – спросила она. – С тех мест, где мама почти не сомневалась, что ты трахал другую женщину в её постели – Рутанну Карвайл, если ты вдруг забыл, – или с того, как она по-настоящему боялась, что ты её убьёшь?

Ей доставляло огромное удовольствие глухое мычание, которое отец издавал через кляп. От этого ей казалось, что план всё-таки сработает. Телефон она выкинула, швырнула в окно где-то в сельской Вирджинии. Машина стояла за старой бойней, спрятанная в зарослях – там, где, как она предполагала, когда-то разворачивались грузовики с доставкой.

Теперь она была почти невидимкой. У неё был магнитофон, чтобы записать его признания, и пистолет, чтобы пустить пулю ему между глаз. Она не питала иллюзий, будто он просто возьмёт и всё признает, – и это её устраивало. Она не возражала заставить его попотеть. Вопрос был лишь в том, как долго ей хватит терпения.

Она начала читать. Делала это нарочито ласково, будто рассказывает малышу сказку на ночь. Она наблюдала за ним, пытаясь понять, заставляют ли слова его ёрзать. Да, она хотела, чтобы ему было больно; она могла это признать. Но вместе с тем её мучило другое: не зашла ли она слишком далеко – не шагнула ли она настолько за пределы здравого смысла, что пути назад уже нет.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Когда Хлоя пришла в кабинет Джонсона, она вошла и увидела, что Роудс уже там. Та, похоже, только что села и всё ещё устраивалась в печально известных неудобных гостевых стульях по стороне для посетителей, напротив его стола. Она бросила на Хлою довольно воодушевлённый взгляд – и Хлое сразу стало легче вписаться в обстановку. Ей пришлось напомнить себе: если бы она сейчас не увязла по колено в собственной личной драме, она бы радовалась до чёртиков, что её вызвали по делу, которое явно считалось первоочередным.

Хлоя заняла второй стул рядом с Роудс. Джонсон на другой стороне стола кивнул ей с признательностью, продолжая набивать последние слова на своём ноутбуке «Макбук». Тяжело вздохнув и нарочито сутулив плечи, он откинулся на спинку кресла и посмотрел на них.

–Спасибо вам обоим, что пришли так быстро и по первому звонку. У нас дело, с которым, думаю, вы справитесь блестяще. За четыре дня – двое убитых, оба в пригородах Балтимора. Оба – мужчины среднего возраста, оба женаты. Пока что полиция в тупике. Дело попало ко мне на стол, и я сразу подумал о вас двоих.

Хлоя взглянула на Роудса. На его лице было выражение, которое напомнило ей быка на родео: упёрся в загон и только

и ждёт, когда откроют ворота, чтобы рвануть во весь опор. От этого сказать то, что она собиралась, стало ещё тяжелее.

—Сэр, боюсь, я сейчас не могу взяться за дело. —Произнести это было больно; слова будто выдирались из горла колючей проволокой.

Джонсон усмехнулся – но в этой усмешке не было ни капли веселья.

—Простите?

—Я старалась не позволять этому мешать работе, но моя сестра пропала, сэр. Уже почти сорок восемь часов. И мой отец тоже пропал.

Джонсон несколько раз моргнул, будто пытаясь прочистить голову. Она видела, как он лихорадочно соображает, какое отношение её личные проблемы имеют к этому делу. Директор Джонсон был человеком благородным и всегда относился к ней хорошо, но при этом он твёрдо верил: работа – прежде всего, выше всего остального.

Через мгновение он кивнул.

—Я знаю. Мне позвонил один мой приятель – некий детектив, с которым, полагаю, вы только что разговаривали. Он сообщил мне, что происходит, – не потому, что вы замешаны, а потому что иногда из вежливости оказывает мне такую любезность, когда расследует дело, которое может иметь связь с бюро. Так что да... я прекрасно осведомлён о вашей сестре, вашем отце и о тех крохах улик, что нашли на месте.

Хлою эти слова буквально вышибли изнутри. *Вот тебе и*

«держатъ личных демонов в клетках», подумала она.

—Значит, вы понимаете, — сказала Хлоя.

Джонсон поёрзал в кресле, явно чувствуя себя неудобно.

—Я понимаю, что у вас личная заинтересованность, и вы перегибаете. По словам детектива Грейвза, в том таунхаусе действительно была какая-то стычка, но версия о похищении — на которую, как он считает, вы нацелились — держится на честном слове.

—Сэр, будь вы в курсе предыстории и...

—Но я не в курсе. Поэтому я доверяю Грейвзу и полиции. Если выяснится, что там что-то другое, они мне сообщат. Мы не можем относиться к этому иначе, чем к любому другому полицейскому делу, Файн.

В Хлое вспухала ярость, но одновременно в ней поднялась какая-то более мудрая часть — и взяла верх. Она понимала, что делает Джонсон, и, как ни странно, почти была ему благодарна. Он пытался занять её; пытался отвлечь работой, пока полиция ищет новые ответы о пропаже сестры и отца. То, что это и впрямь было именно то дело, за которое им с Роудсом стоило взяться, делало задумку ещё более удачной.

—Верно... полиция должна делать свою работу, — сказал Джонсон. — А пока они делают свою, вы должны сосредоточиться на своей. К тому же, даже если бы я сумел проявить достаточно равнодушия и отпустить вас на поиски сестры, я всё равно не могу позволить вам вмешиваться в дело, которое даже не относится к юрисдикции Федерального бюро

расследований.

—Но я могла бы помочь.

—Уверен, что могли бы. И если по какой-то причине дело окажется в руках бюро, возможно, я даже позволю вам курировать его.

—Но, сэр...

—Мне неприятно быть мудаком, Файн, но помните своё место. У вас есть работа, и я ожидаю, что вы её будете делать. Хотите взять личное время – пожалуйста. Я с удовольствием дам разрешение. Но если вы сделаете это, а я узнаю, что вы копаете по делу вашей сестры...

Он остановился, давая ей самой додумать остальное. Она знала, что он прав, но её всё равно раздражало, насколько беспечно он, казалось, относился к тому, что пропала сестра одного из его агентов.

— Так что у тебя два варианта, Файн. Либо берёшь пару личных дней и ждёшь, пока полиция найдёт хоть какие-то ответы, либо едешь в Балтимор с Роудс и пытаешься помочь нам найти убийцу.

И вот так просто Хлоя почувствовала, как её загоняют в угол. Она знала: возьми она эти личные дни – и непременно начнёт искать сестру. А пока это не станет делом бюро – *если* вообще станет, – она может здорово влипнуть за вмешательство в расследование, которое ФБР не ведёт.

Или же можно с головой уйти в работу. Выбор был простым, хоть сердце и каменело, упрямо сопротивляясь.

– Я беру дело, – сказала она.

– Хорошо, – сказал Джонсон. – Мне правда очень жаль. Но я окажусь в таком же тупике, как и ты, если ты влезешь в это дело.

– Я понимаю, сэр.

Он кивнул и выдержал паузу, словно убеждаясь, что ей больше нечего добавить. Хлоя взглянула на Роудс и заметила, что напарница во время их обмена репликами заметно занервничала. Роудс была похожа на ребёнка, который сидит на диване и ждёт, перерастёт ли мелкая ссора между мамой и папой в настоящий скандал.

– Как я и говорил, – продолжил Джонсон. – Двое мужчин убиты за четыре дня, оба женаты. Никаких зацепок, никаких улик... кроме того, что жили они в одном районе – в пределах, кажется, двух с половиной километров друг от друга.

Он перечислил детали дела – как обычно, их было немного, – и Хлоя изо всех сил старалась сосредоточиться. Но мысли её всё равно не уходили далеко от Даниэль и от того, через что та могла сейчас проходить. Хлоя понимала: ей, пожалуй, никогда от этого не отстраниться, какое бы дело ей ни поручали.

Не впервые за свою ещё короткую карьеру она с тревогой думала о том, что её ядовитая семейная жизнь способна разрушить будущее – и так, как она не в силах будет контролировать.

ГЛАВА ПЯТАЯ

После бессонной ночи дома Хлоя на следующее утро встретила с Роудс в парковочном гараже бюро, и они выехали на служебной машине. Стартовали в шесть утра, чтобы проскочить до мерзких пробок на Кольцевой. Хлоя заметила, что Роудс изо всех сил старается не выглядеть слишком воодушевлённой – сдержанность, которую она плохо скрывала за длинными глотками кофе, делая вид, будто слишком сосредоточена на дороге.

– Ничего, – сказала Хлоя. – Ты едешь со мной, так что можешь задавать любые вопросы. Она пожала плечами, вливаясь в поток на Кольцевой, чтобы ехать в Мэриленд. – Думаю, в кабинете Джонсона вчера ты уловила суть. Даниэль пропала. Вообще-то ничего сверхъестественного... так прошло почти всё её подростковое время и ранняя молодость: появлялась и исчезала, когда вздумается. Но сейчас иначе, потому что я ещё и понятия не имею, где мой отец.

– Логично, что ты ожидаешь худшего, – сказала Роудс. – После всего, через что ты прошла за последний год. И отсюда очевидный вопрос: почему ты просто не взяла пару личных дней?

– Потому что я бы всё равно полезла в это дело. А я предпочту работать в бюро, заниматься своим расследованием и доверить полиции округа Колумбия выяснить, где моя сест-

ра, чем быть уволенной за то, что не смогла держаться по-
дальше от следствия во время моих так называемых личных
дней.

– Что ни сделай – всё плохо, – вздохнула Роудс.

– Что-то вроде того.

– Рискую тебя разозлить, скажу: по-моему, Джонсон прав.
Если это не в юрисдикции бюро, остаётся только довериться
копам.

– Я знаю. Просто когда пропадает родная сестра, это куда
сложнее, чем звучит.

«Я даже не стану притворяться, будто понимаю, что ты
сейчас чувствуешь», – сказала Роудс. В её голосе явственно
звучали эмоции. Было видно: она говорит искренне.

– Я это ценю, – сказала Хлоя.

Весь этот обмен, если честно, только ещё сильнее расстро-
ил Хлою. И всё же он заставил её задуматься, не перегибает
ли она палку. Джонсон говорил так, будто ничего страшного,
а Роудс сейчас, по сути, соглашалась с ним.

Какое-то время они молчали, пока Роудс вела машину на
север. Незадолго до въезда в Балтимор начал накрапывать
мелкий дождь. В город они проскочили как раз до утренне-
го часа пик, когда дороги обычно захлёбываются потоком
машин. Хлоя просматривала скудную информацию – все-
го несколько свежераспечатанных страниц в папке, которую
дал им Джонсон. Адрес последней жертвы уже был вбит в их
GPS-навигатор: небольшой жилой квартал примерно в трёх

километрах от самого Балтимора.

– Ладно, можешь пообещать мне кое-что? – спросила Роудс, когда они уже почти подъехали к адресу.

– Я не даю обещаний, – сказала Хлоя. Она хотела пошутить, но прозвучало довольно резко. – Но я постараюсь сдержать слово.

– Хорошо, сойдёт. Мне просто нужно, чтобы ты была честна со мной и сказала, если вся эта личная муть начнёт тебя подтачивать, пока мы этим занимаемся. Хоть раз мне хочется, чтобы мы с тобой просто приехали на место и раскрыли дело за двадцать четыре часа. Без осложнений, без откатов назад.

– Да, *на это* я могу дать тебе слово.

Кажется, это разрядило напряжение, которое висело в машине между ними. К тому моменту, как они въехали в квартал, Хлоя чувствовала себя почти нормально. Она, конечно, вспоминала Даниэль каждые несколько секунд, но вместе с тем всплывало и то, какой легкомысленной Даниэль бывала раньше. Если учитывать её прошлое, то в том, что она пропала, не было ничего уж такого странного.

Верно, но папа-то тоже?

Хлоя отогнала эту мысль, когда Роудс припарковалась у двухэтажного дома, который выглядел так, будто его скопировали и вставили из ряда остальных на улице. Не то чтобы он был некрасив. Он был простым – но по-царски простым; из тех домов, что показывают на фотографиях *после* во всех

этих передачах про ремонт и преобразование жилья.

– Готова? – спросила Роудс.

Хлоя проглотила сарказм, уже подступивший к языку. Если Роудс собирается нянчиться с ней из-за истории с Даниэль, Хлоя не была уверена, что вообще сможет довести это дело до конца.

– Готова, – только и сказала она, выходя из машины под мелким морсящим дождём.

Детектив, который вёл дело, оказался долговязым мужчиной по фамилии Андерсон. Когда Хлоя и Роудс вошли в дом, он сидел за кухонным столом. Он поднял на них взгляд от iPad, который листал, и виновато отложил его в сторону, поднимаясь на ноги. Хлоя мельком взглянула на экран, пока он вставал, и увидела: он смотрел фотографии с места преступления – из этого же дома.

– Бен Андерсон, – представился он, протягивая руку.

– Агенты Файн и Роудс, – сказала Хлоя, пожимая руку. – Давно ждёте?

– Минут десять, не больше. Хотя я за последние шестнадцать часов был тут раза три-четыре – пытался прочувствовать место.

– Вы были на месте при обнаружении тела? – спросила Хлоя.

– Был. Вторым приехал.

– Где нашли тело? – спросила Роудс.

Андерсон жестом направил их в заднюю часть дома, подхватывая iPad. Он прошёл через кухню, открыл дверь, ведущую наружу. – Там, на заднем крыльце... хотя смотреть особенно не на что.

Они вышли на заднюю веранду. Поначалу Хлоя не увидела ничего хоть сколько-нибудь интересного. Веранда была приятная, с видом на ярко-зелёный задний двор – примерно в четыре тысячи квадратных метров. В дальнем углу стоял гриль, укрытый чехлом с эмблемой «Балтимор Рэйвенс». Немногочисленная садовая мебель, расставленная в центре, была симпатичной, но без изюминки – скорее всего, из «Вейфэр» или «Костко». На улице ещё моросило, и на деревянном полу проступали бледные следы капель. Хлоя заметила на досках кровавое пятно в форме запятой – как раз такого размера, чтобы частично обрамить чью-то голову.

– Жертву звали Бо Ланц, – сказал Андерсон. – Его жена, Шерри, обнаружила его, когда вернулась с работы. В день их годовщины. Нашла его здесь, на задней веранде, он лежал на полу. Она на какое-то время словно отключилась. Даже не заметила, что ему в рот был затолкан чёрный носок – почти в глотку. Говорит, что смутно осознавала, что видит это, когда впервые заметила его, но... она была не в себе, что понятно.

– Кровь, – сказала Хлоя, опускаясь на корточки. – Это значит, что его не просто задушили. Есть следы борьбы?

– Нет. Ничего не перевёрнуто, ничего необычного. Следы появились из-за удара, который он получил по черепу – прямо по лбу.

С этими словами он протянул Хлое планшет, который всё это время держал при себе. На экране была фотография тела. Хлоя увеличила изображение лба Бо Ланца. Вмятина была отчётливая, и уже намечался синяк. По форме вдавленного следа ей показалось, что ударили чем-то с плоским торцом, примерно в двенадцать—пятнадцать сантиметров шириной.

– Синяк выглядит свежим, – заметила Роудс, заглядывая Хлое через плечо. – Через сколько после обнаружения тела это снято?

– Примерно через час, думаю. И, судя по словам миссис Ланц, кровь ещё была мокрой, когда она нашла тело. Так что мы считаем, что его убили в течение часа-двух до её возвращения.

– На носке, который у него в горле, отпечатков нет? – спросила Хлоя.

– Никаких. И внутри тоже ничего. Ни признаков взлома... ничего.

Роудс начала копаться в папках, которые они получили от Джонсона, прикрывая бумаги от дождя – наклонилась вперёд, заслоняя их верхней частью тела. – Бо Ланц, пятьдесят два года, один ребёнок, работает в «Мьючуал Телеком». Судимостей нет. Можете что-нибудь добавить, детектив Андерсон?

– По предварительным разговорам с соседями и друзьями мы знаем только одно: его тут все любили. Добровольный пожарный, помогал благотворительности, когда мог. Был помощником тренера в любительской футбольной команде. Я сам опросил пятерых, и у нас в деле ещё минимум дюжина. Парень – хоть в рамку.

Хлоя кивнула, но ей уже доводилось слышать такое не раз. Большинство мужчин умеют выглядеть безупречными на поверхности. Но она знала: стоит копнуть глубже – и на гладкой оболочке появляются трещины, а за ними нередко тянутся грязные тайны.

– Есть мысль, зачем ему в горло затолкали носок? – спросила Хлоя.

– Понятия не имею. Мы перерыли ящики наверху – думали, вдруг найдём носок без пары, но нет.

– Детектив, вы можете дать имя и номер коронера, у которого находится тело?

– Конечно, – ответил он, доставая телефон и машинально пролистывая контакты в поисках нужных данных.

– А что насчёт первой жертвы? – спросила Хлоя.

– Его звали Ричард Уэллс. Он живёт примерно в девятнадцати километрах отсюда, в городке Истбрук. Район очень похож на этот. Делом занимается полиция Истбрука, но кое-какие подробности у меня есть, если вам интересно.

– Да, пожалуйста.

«По сути – точная копия того, что случилось здесь. Уэлл-

са нашли мёртвым в спальне: голова фактически проломлена, во рту – чёрный носок. По характеру, правда, они сильно отличались. Уэллс развёлся в прошлом году. Ходили слухи, что он крепко прикладывался к бутылке. Работал частным подрядчиком, и единственные, от кого удалось что-то узнать, – несколько его работников. Бывшая жена уже снова помолвлена, живёт в Род-Айленде. Оба родителя умерли, братьев и сестёр нет... спросить по-настоящему было не у кого».

– Значит, тупик – более-менее? – спросил Роудс.

– Более-менее, – согласился Андерсон.

Хлоя снова опустила взгляд на доски крыльца. Она рассматривала кровавое пятно, не в силах выбросить из головы размазанный след крови, который видела на отцовском чайнике. Это оседало внутри, и ощущалось так, словно шагнуть из тёплого дома прямо в зимнюю бурю. И вот так, в одно мгновение, она почти уверилась: отделаться от этого не выйдет; исчезновение Даниэль будет преследовать её, пока Даниэль не даст о себе знать – будет дело или нет.

Хуже всего было то, что Хлоя начинала за это злиться на Даниэль, тревожась, что прежняя, неприкаянная и проблемная сестра снова проступает наружу.

Если я её найду, может, я сумею этому помешать, – подумала Хлоя.

Мысль была заманчивой, но, продолжая смотреть на кровь Бо Ланца, она понимала: когда речь о спасении сест-

ры, всё – как и со спасением жизни Ланца – уже слишком поздно.

По опыту Хлои, судмедэксперты делились на два типа: тихие, почти мрачные в своей работе, и чрезмерно оживлённые – пожалуй, даже *слишком увлечённые* ею. Женщина, которую они встретили в бюро судмедэкспертизы и которой поручили осмотр Бо Ланца, относилась ко вторым. Её звали Герда Холлоуэй, и выглядела она так, будто её место – в каком-нибудь телевизионном шоу для холостяков, а не среди мёртвых тел. Даже Хлоя вынуждена была признать, насколько эта женщина красива: волосы собраны в хвост, глаза – за очками в «библиотечарской» оправе, пока она приветствовала их в холле.

– Агенты Роудс и Файн, – представился Роудс после того, как Холлоуэй назвала своё имя.

– Проходите, – сказала Холлоуэй. – Тело подготовлено, но можете взглянуть, прежде чем я начну фиксировать фактическое время.

Они пошли за ней из холла по длинному коридору. Подойдя к комнате осмотра, где держали тело Ланца, Холлоуэй открыла дверь и, улыбаясь, придержала её – словно устраивала дружеский званый ужин, а не собиралась осматривать убитого.

Они вошли. Хлое потребовалась секунда, чтобы привыкнуть к яркому свету и стерильным поверхностям. Каждый раз, переступая порог судмедэкспертной, она чувствовала, будто попадает в другой мир. Но стоило увидеть тело на столе – и она тут же возвращалась в реальность.

Так было и сейчас, с Бо Ланцем. Он лежал на столе, неподвижный, с закрытыми глазами. Если бы не рана на лбу, он выглядел бы почти нормально. Холлоуэй дала агентам немного времени, чтобы свыкнуться с видом, а затем подошла к столу с планшетом в руке.

– Как видите, имела место тупая травма черепа, – сказала Холлоуэй. – Точно сказать, чем ударили, невозможно, но по углу, глубине раны и по тому, как будто провалился череп, я бы поставила на что-то простое, вроде камня, или наоборот – на что-то более затейливое, например на какую-нибудь бетонную садовую статуэтку.

– По этим данным можно хоть что-то понять о убийце? – спросила Хлоя.

– Ну, как видите, угол раны слегка направлен вверх. И вектор силы, похоже, тоже шёл вверх. На это могли повлиять разные факторы, но можно с большой долей уверенности предположить, что убийца был ниже жертвы ростом.

«Согласно материалам дела, – сказал Родс, – Бо Ланц был ростом метр восемьдесят пять. Значит, многие люди были бы ниже».

– Согласен, – сказал Холлоуэй. – Однако если присмот-

реться *очень* внимательно к краю вмятины вдоль черепа, видно и другое: это, похоже, был не один удар, а два. И второй, кажется, был чуть сильнее, но скользящий.

Хлоя подошла к столу и сразу поняла, о чём говорит Холлоуэй. По левой стороне вмятины на лбу Ланца углубление было примерно на пять сантиметров глубже. К тому же участок выглядел чуть темнее – будто по нему ударили сильнее, чем по остальной части раны. Хлоя наклонила голову, пытается представить, не была ли причина просто в странной форме орудия.

– Моя версия, – сказал Холлоуэй, – такая: сначала его ударили, а затем сразу же второй раз – два быстрых удара подряд. Это объясняет жутковатую точность: один удар почти поверх другого. Но поскольку второй, судя по всему, едва задел его, я предполагаю, что он пришёлся уже в момент падения.

– И оба удара – строго по центру головы, – заметила Хлоя. – Если бы на него напали внезапно – подкрались, допустим, – такой идеально поставленный удар был бы маловероятен, верно?

– Да. Не невозможно, заметьте. Но крайне маловероятно.

– Значит, это мог быть кто-то, кого он, скорее всего, знал и кто был в доме? – предположил Родс.

– На это бы я и поставил, – сказал Холлоуэй.

Хлоя прокрутила в голове детали, которыми с ними поделился Джонсон, и то небольшое, что сообщил Андерсон. Ни

следов взлома, ни признаков борьбы, и всё случилось в годовщину. Элементарная логика и опыт указывали на жену.

– Вы нашли в его горле что-нибудь ещё, кроме носка? – спросила Хлоя.

– Нет. Но, скорее всего, его засунули туда уже после. Похоже, это сделали с большой осторожностью. Язык оттянут назад. Если бы носок запихнули ему в рот, когда он был жив, мышцы языка мгновенно вытолкнули бы его.

Носок делал всю картину ещё более странной. Это была та самая нелепая деталь, за которую Хлоя обычно цеплялась – наверняка в ней скрывался какой-то смысл. А где есть смысл, там чаще всего есть и мотив.

Хлоя ещё немного посмотрела на тело, пытаясь найти хоть что-то, что направило бы их не к жене. Когда стало ясно, что больше ничего не будет, они с Родсом поблагодарили Холлоуэя и вышли.

– Ты тоже думаешь на жену? – спросил Родс, когда они направлялись обратно к входу.

– Думаю. И если не как на вероятную подозреваемую – а сейчас я именно так и считаю, – то хотя бы спросить, есть ли у неё хоть какое-то объяснение, зачем кому-то запихивать носок ему в горло.

Родс согласно кивнула, пока они пересекали парковку и садились в машину. Едва выехав с места, Хлоя уже звонила детективу Андерсону, уточняя, где находится Шерри Ланц. Поднимая телефон, чтобы набрать номер, она не удержалась

от крошечной искорки надежды – вдруг появилось уведомление о пропущенном от Даниэль.

Но, разумеется, ничего такого не было, и Хлое оставалось лишь предположить худшее и попытаться закопать всё это под делом Ланцев.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Поначалу Андерсон, казалось, не горел желанием отправлять их разговаривать с Шерри Ланц. Согласно полицейским отчётам, после того как она обнаружила тело, её настолько накрыло, что она дважды теряла сознание. Но Хлою это не устраивало. Ей уже доводилось иметь дело с безутешными вдовами – многие из них скрывали тайны и, сами того не понимая, тормозили расследование из-за стыда.

– На данный момент она – единственная реальная подозреваемая, – возразила Хлоя, когда они подъезжали к дому Ланцев. – При всём уважении: вы либо говорите, где она сейчас, либо мы позвоним обратно в Вашингтон и выясним сами.

Андерсон наконец сдался и сказал им, что Шерри живёт у своих родителей в городе. «Только вот, – добавил он. – Я даже не знаю, как подчеркнуть, насколько эта женщина сломлена. Может, кто-то один из вас поговорит с ней?»

Это был не тот подход, к которому обычно прибегала Хлоя, но она также понимала: спорить тут не о чем. К тому же, если к Шерри Лантц пойдёт только кто-то один, второй сможет пройти по улице Лантцев и расспросить соседей – вдруг у них найдётся хоть какая-то информация.

Так Хлоя и оказалась у дома Тамары Нельсон, сестры Шерри, одна – двадцать минут спустя. Роудс, похоже, вполне

устраивало поговорить с соседями, а Хлоя решила поговорить с Шерри. Хотя Хлоя не любила беседовать с теми, кто недавно потерял близких, и она, и Роудс знали: у Хлои гораздо сильнее развита способность к сочувствию, чем у Роудс. Роудс этим, кажется, не особенно гордилась – просто принимала как данность.

Андерсон заранее позвонил, предупредив Тамару, что к ним едет агент ФБР. Поэтому, когда Хлоя постучала, дверь открыли почти сразу. Обе женщины стояли на пороге, встречая её, и сразу было понятно, кто из них Шерри Лантц. Та держалась чуть позади сестры: рыжие волосы растрёпаны, кожа бледная, только под глазами – тёмные круги. Сами глаза были красные от слёз, и хотя казалось, что веки вот-вот сомкнутся, в глубине взгляда пряталась такая угроза, что Хлоя подумала: этой женщине ещё долго не уснуть.

– Шерри Лантц? – спросила Хлоя.

Измотанная, взъерошенная женщина кивнула, но вперёд не шагнула. Сестра осталась впереди, словно заслоняя её собой.

– Я агент Файн. Кажется, детектив Андерсон звонил вам и предупредил, что я приеду?

– Да, – сказала Тамара. – Пожалуйста, не поймите неправильно, но я буду сидеть в комнате, пока вы разговариваете с Шерри.

– Разумеется, – ответила Хлоя. Она уже начинала сомневаться, станет ли Шерри вообще говорить. Та выглядела со-

вершенно разбитой – почти до полубессознательного состояния.

Тамара развернулась и прошла в дом, так и не пригласив Хлою войти как следует. Хлоя всё равно последовала за ней, закрыв за собой дверь. Тамара провела её в красиво обставленную гостиную. Из глубины дома тянуло сладковатым ароматом – каким-то чаем, предположила Хлоя.

– Я понимаю, как вам сейчас тяжело, миссис Лантц, – сказала Хлоя. – Я постараюсь, чтобы всё прошло как можно быстрее и без лишней боли.

– Нет, нормально, – сказала Шерри. Голос у неё был как у женщины, которая проснулась после двенадцатичасового сна – после ночи с выпивкой. – Я хочу во всём разобраться. Не сокращайте ничего ради меня.

Хлоя взглянула на Тамару, будто спрашивая одобрения. Сестра лишь пожала плечами – так, словно на них давил весь мир.

– Миссис Лантц, детали того дня мне известны, так что это можно пропустить. Мне нужно понять вещи более тонкие, изнутри – всё, что связано с жизнью вашего мужа. Были ли у него люди, которых можно назвать врагами, или просто те, кому он мог не нравиться?

– Я так мучительно об этом думала, пыталась понять, – сказала она. – Единственное, что пришло в голову, – старый конкурент по бизнесу, но он где-то в Калифорнии живёт. Я знаю, это звучит так, будто я просто превозношу покойного

мужа, но, правда... Бо всем нравился.

– Он упоминал в последнее время какие-нибудь трудности на работе?

– Нет. Ничего. Я даже попросила Тамару позвонить его начальнику – вдруг он что-то скрывал, – но там ничего не было.

– У вас ведь общий ребёнок, верно? – спросила Хлоя.

– Да, сын. Люк. В этом году он поступил в колледж. Он тоже здесь. Спит в гостевой спальне. Он как будто... просто пустой сейчас.

– Вы задавали ему эти же вопросы? – спросила Хлоя.

– Не так прямолинейно, но да. Мы пытались понять, кто мог это сделать. Мне кажется, это могло быть одно из тех случайных вторжений в дом, но... ничего не пропало. Ничего не взяли.

– Вчера я обзвонила компании по кредитным картам Шерри, – сказала Тамара. – Все карты были в бумажнике Бо, но я подумала: вдруг там какая-то цифровая афера или что-то в этом роде. Но всё оказалось чисто. Если это сделал какой-то случайный социопат, значит, ему нужна была только жизнь.

– Мы с Люком вчера всю ночь проверяли, – сказала Шерри. – Ничего пропавшего не нашли.

Хлоя знала, что спросит дальше, но произнести это будет непросто. Уже складывалось очень чёткое впечатление: Шерри к убийству мужа не имеет никакого отношения. Можно изобразить слёзы, можно даже сыграть истерику. Но

терять сознание от горя при полицейских и выглядеть из-за недосыпа как статистка из фильма про зомби... это было настоящим.

—А в доме, во дворе или на заднем крыльце не было ничего, что могло оказаться не на месте? Может, что-то выглядело так, будто его сдвинули всего на пару сантиметров? — спросила она. Так она пыталась выяснить, не наткнулись ли они случайно на предмет, которым напали на Бо.

—Ничего такого не заметили.

—Вы можете назвать кого-то, у кого мог быть ключ от вашего дома?

—Никого. Нам никогда не приходилось кому-то давать ключ. У нас не было ни горничной, ни уборщицы, никто из родственников не оставался ночевать. Ничего такого.

—А что насчёт охранной системы? Когда мы с напарником приезжали, я ничего не увидела.

—Нет. Мы всё время говорили, что поставим, но район такой спокойный... всё откладывали и так и не собрались.

—И ещё один момент, миссис Лунтц... простите, это может быть тяжело.

—Ничего.

—Одна очень странная деталь на теле вашего мужа была...

—Носок у него во рту, — сказала она. Сказала так, будто произносила концовку странного анекдота... словно знала, что сейчас это прозвучит.

—Да. Есть мысли, что это могло значить?

– Никаких, – сказала Шерри, и голос у неё дрогнул от слёз. – Когда я нашла его таким, я поняла, что у него во рту что-то есть, но не знала, что именно. Я узнала, что это, только спустя несколько часов – когда вспомнила и спросила. Детектив Андерсон сказал мне, что это носок. Когда я это услышала, я подумала, что всё ещё в обморочном состоянии и мне снится какой-то жуткий сон, но... нет. Это и правда было так. Вчера вечером он даже показал мне фотографию, после того как... ну, после того как судмедэксперт...

– Всё хорошо, – сказала Хлоя. – Мы можем остановиться, миссис Лунтц.

– Не знаю, поможет ли это хоть чем-то, – сказала Шерри, – но это был не его носок. Он терпеть не мог эти толстые чёрные носки, даже зимой. У него ноги потели, и в этих толстых чёрных ему было просто мучительно. Тень улыбки тронула её губы, когда она вспомнила эту домашнюю придирку.

Хлоя полезла во внутренний карман куртки, достала одну из своих визиток и протянула её Тамаре – не желая навешивать на Шерри лишнее напряжение и ответственность.

– Пожалуйста... если кто-то из вас вспомнит что-нибудь ещё, неважно насколько мелкое, позвоните мне.

– Конечно, – сказала Тамара. На Хлою она почти не смотрела – всё её внимание было приковано к сестре: она прикидывала, насколько та держится. После неловкой паузы Тамара поднялась, чтобы проводить Хлою к двери.

Тамара вышла вместе с ней на крыльцо и закрыла дверь

за их спинами. Она скрестила руки на груди и посмотрела на Хлою почти виновато.

— Она не пытается приукрасить, — сказала Тамара. — Бо был из хороших, понимаете? Скромный, добрый, любил жену и сына. Не думаю, что хоть раз слышала, чтобы кто-то сказал о нём дурное слово — даже наша мать, а это о многом говорит.

«Я начинаю понимать, какой он был. Есть один вопрос, который я хотела бы вам задать... и это строго для соблюдения формальностей».

«Думаете, это могла сделать Шерри?»

Хлоя нахмурилась и кивнула. «Я почти уверена, что нет, но мне нужно, чтобы это было зафиксировано словами человека, который хорошо её знает».

«Шерри не могла этого сделать. И даже если бы мне вдруг показалось, что она вообще способна задуматься о чём-то подобном, вы можете проверить по её работе. Полиция уже проверяла. На камерах видно, как она выходит из здания в пятнадцать ноль две в тот день. Если учесть время, когда, по их мнению, его убили... это точно была не она».

Хлоя уже почти решила надавить — спросить, не прятал ли Бо каких-нибудь скелетов в шкафу. Но она не только чувствовала, что от Тамары ничего не добьётся, но и понимала: таким вопросом она лишь расстроит её. А сейчас перед ней была убитая горем жена и поддерживающая сестра, которые позже вполне могли пригодиться как источники информации.

«Спасибо, что уделили время», – сказала Хлоя. – «И правда... если вспомните хоть что-нибудь, даже самое маленькое, дайте знать».

«Дадим».

Хлоя поспешила вниз по ступенькам крыльца и к машине, надеясь, что Родс удалось найти хоть что-то. Родс умела давить, не переходя в грубость, и, если она расспрашивала лишь соседей без сильной эмоциональной привязанности, возможно, ей повезло больше. Хлоя выехала обратно в сторону района Лунтцев; морось всё так же сыпалась с неба, окрашивая день в серый.

Хлоя не верила ни в знамения, ни в суеверия, но не могла отделаться от ощущения, что дождь – который, казалось, усиливался – может быть предвестником того, что ещё впереди.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Родс была в хорошем настроении, когда Хлоя заехала за ней. Если что и раздражало её, так это то, что она немного промокла под дождём, забираясь на пассажирское сиденье. Хлоя сразу тронулась с места – ещё до того, как они сверили заметки. Ей хотелось поскорее выбраться из дождя, заехать в какую-нибудь забегаловку или кофейню. Там они могли бы спокойно сравнить, что у кого есть, и решить, как действовать дальше.

«Повезло?» – спросила она, когда они доехали до конца улицы Лунтцев и выкатились на более широкий размах центральной магистрали района.

«Ну, я выяснила, что тут впору организовать фан-клуб Бо Лунтца», – сказала Родс. – «Его не просто любят – несколько человек даже признались, что жалеют: так и не успели узнать его поближе».

«Со сколькими ты поговорила?»

«Я прошлась по улице; большинство, конечно, были на работе, но всё же я успела поговорить с четырьмя разными людьми в трёх домах. Все отзывались о нём очень хорошо. Пожилая женщина из одного из трёх последних домов перед домом Лунтцев сказала, что Бо одолжил ей свою машину на три недели после того, как она разбила свою, а страховая возила её за нос. Без вопросов – и он едва её знал».

«И никто ничего не слышал и не видел?» – спросила Хлоя.
«Ничего».

Похоже, это у нас теперь лейтмотив, – подумала Хлоя, вспомнив, как легко Даниэль и её отец просто исчезли.

Они обе молча переваривали это, пока не подъехали к простенькому дайнеру в нескольких километрах дальше по дороге – псевдомодной кофейне, построенной на том, что они «специализируются» на безглютеновых маффинах. Они уже достаточно давно работали вместе, чтобы действовать слаженно: зайти, сделать заказ, сходить в туалет и потом встретиться за столиком, чтобы разложить по полочкам материалы дела. Хлою порой слегка удивляло, как далеко они продвинулись. Казалось, ещё вчера Родс была почти раздражена тем, что её поставили в пару с Хлоей. Это было, конечно, до того, как Хлоя спасла её жизнь, когда Родс ранили выстрелом в их первом совместном деле.

Хлоя отпила чёрного кофе, а Роудс сделал глоток своего латте с чаем масала. Вместе они снова уткнулись в записи – сравнивали, сопоставляли, добавляя к общей картине и то, что ни соседи, ни родня сегодняшним утром не сказали ничего нового.

Единственная новая уверенность, которую могла предложить Хлоя, казалась весомой, но сформулировать её просто было трудно. «Мне кажется, жену можно исключить. Её сестра говорит, полиция проверила по работе, и там зафиксировано, что она вышла из здания в пять ноль две. По времени

никак не сходится».

Роудс кивнул, листая те крохи бумаг, что у них были по делу. «Они предполагают, что его убили между тремя тридцатью и четырьмя сорока пятью. В офисе Бо видели, что он был там – в кабинете – самое позднее в три тридцать. По словам одного коллеги, Бо говорил, что уйдёт пораньше, чтобы сделать что-то особенное к годовщине».

«Странно. Выходит, убийца знал, что он уйдёт, – что он рано окажется дома».

«Либо убийца уже был там по какой-то другой причине и убил Бо от шока и неожиданности».

Они на минуту замолчали, переваривая. Хлоя посмотрела в окно на дождь – теперь он лил ровнее, плотнее. «Шерри Ланц говорит, что кроме неё и Бо ключа от дома ни у кого не было. Ни у родственников, ни у уборщицы, ни у близких друзей – ни у кого».

«И следов взлома...»

Хлоя знала, к чему её тянет. Место очевидное, но почему-то оно всё равно не казалось правильным. И всё же она произнесла: «Значит, Бо сам впустил этого человека. Более того – возможно, они приехали домой вместе».

«Любовница, может быть?»

«Это ты сказал, не я. Но... если он днём задумал что-то к годовщине, это же как-то... дерзко, да?»

«Или глупо», – сказал Роудс.

«И знаешь, есть ещё кое-что, что только сейчас пришло

мне в голову. Всё, что мы знаем об убийстве первой жертвы, Ричарда Уэллса, – точь-в-точь как у Бо Ланца. Носок во рту, проломленная голова. И между ними всего два дня. Так что если посчитать...»

«Если посчитать, – подхватил Роудс, – и это серийник, а не отдельные, пусть и связанные случаи, то следующая жертва может появиться в ближайшие двадцать четыре часа».

«Может, пора перестать копать под Ланца и посмотреть, что удастся нарыть по жертве номер один».

«Да, только Андерсон говорил, что тут у него не было никого близкого, – заметил Роудс. – Ни семьи, ни друзей – никого».

«Вот именно», – сказала Хлоя, поднимаясь на ноги. – «По-моему, это как раз тот тип мужчины, который умеет отлично хранить секреты».

По дороге в Истбрук они позвонили заранее. Поскольку городок был маленький и полицейских там немного, отзывчивая женщина из отдела архивов смогла просто прислать по электронной почте цифровые копии материалов дела – вместо того чтобы Хлое и Роудсу встречаться с каким-нибудь офицером. На взгляд Хлои, это были отличные новости. Ей куда больше нравилось работать по делу без помощи местной полиции. Да, те часто бывают полезны, но почти всегда

мгновенно проникаются сочувствием к любому пострадавшему из своих мест.

До Истбрука оставалось четыре мили, когда файлы пришли. Роудс просматривал их, пока Хлоя вела машину. Дождь слабел, солнце начинало проглядывать сквозь редеющие тучи. Над дорогой впереди поднимались лёгкие облачка пара.

«Ричард Уэллс, пятьдесят два года, почти всю взрослую жизнь жил в Истбруке. Досье короткое – два случая вождения в нетрезвом виде и одна неявка в суд. В результате три года назад у него отобрали права. Местные связались с его бывшей женой: она на вопросы отвечала охотно, но убийство её, похоже, особенно не расстроило. Она единственная указана хоть каким-то экстренным контактом или ближайшим родственником».

«И она в Род-Айленде, да?»

«Да».

– Уэллс был частным подрядчиком, верно? У нас есть название компании?

– Ага, и не самое оригинальное. «Уэллс Констракшн энд Дизайн», находится в Истбруке.

Хлоя уже собиралась попросить Роудса вбить адрес в навигатор, но Роудс и без того этим занимался. Хлое невольно вспомнилось, как Джонсон уверял их: одну из причин, почему он отдал им это дело, он видел в том, что оно им подойдет. Она считала, что они с Роудсом сработались в пару сильнее, чем любые другие агенты, вышедшие из их академического

выпуска. Когда они ловили друг друга на этих почти телепатических волнах, в это было легко поверить.

Когда они подъехали к маленькому офису «Уэллс Констракшн энд Дизайн», было чуть позже одиннадцати. Контора располагалась на улице, которая в Истбруке служила чем-то вроде Главной. Хлоя подозревала, что городок вообще существует лишь потому, что находится так близко к Балтимору. В такие места заезжают, чтобы заправиться или перекусить перед тем, как закончить путь до города.

Хлоя припарковалась прямо перед зданием, опасаясь, что из-за смерти владельца офис может быть закрыт. Однако входная дверь оказалась незаперта. Офис представлял собой одно большое помещение, разделенное перегородками на кубики. У входа стоял большой стол, поставленный буквой «Г», чтобы женщина за ним могла встречать посетителей, едва те входили.

Теперь она подняла глаза на Хлою и Роудса; по взгляду было видно, что ей смертельно скучно. Хлое подумалось, как, должно быть, странно маленькому бизнесу пытаться продолжать работу после того, как человек, чьим именем названа фирма, был так жестоко убит.

– Чем могу помочь, дамы? – спросила женщина.

– Да, – сказала Хлоя. Она представилась, и они с Роудсом показали удостоверения. – Мы расследуем убийство Ричарда Уэллса. Здесь у него нет семьи, и, похоже, ближе всего ему были люди, которые на него работали.

– Это правда, – сказала та. – И печально. Такое о человеке по-настоящему понимаешь только после того, как его не станет, знаете?

– Скажите, компания собирается работать дальше без него?

Женщина пожала плечами – беззаботным жестом, который говорил не только о том, что она не знает, но и о том, что ей все равно.

– Ждем, пока его юристы разберутся. У Ричарда, оказывается, было завещания. Так что компанию он никому не оставил. У нас тут трое строителей, и все трое сейчас на двух разных объектах – пытаются закончить кое-какие проекты, пока юридическая машина не перемелет все к чертям.

– Не возражаете, если я узнаю ваше имя? – спросила Хлоя.

– Конечно. Пэтти Марш.

– Мисс Марш, вы давно здесь работаете?

– Шесть лет.

– И какое у вас было общее впечатление о Ричарде Уэллсе? Не только как о начальнике, но и как о человеке?

– Ну, работягой он был – это точно. Но, по-моему, он из тех, кто достиг пика в старших классах и потом как будто снова и снова проживал это, понимаете? Пил он много, флиртовал направо и налево, хотя был женат – до полугода назад. Из тех, кто всегда умудрялся вкрутить историю о своих славных днях в школьной футбольной команде, знаете? Жалко, конечно, но его это делало счастливым.

– Он когда-нибудь срывался на вас или на других сотрудников?

– Ну, наверняка на строителей он иногда наезжал. Но они же были друзьями. Эти парни немного моложе Ричарда, но история примерно та же... в жизни у них ничего особо не происходит, вот и цепляются за байки из школы и колледжа, чтобы самим себе казаться круче. Господи... я сейчас прозвучу как стерва.

– Вовсе нет, – сказала Роудс. – Скажите, учитывая характер его работы, у Ричарда были враги? Может, недовольные клиенты?

– Копы нас об этом же спрашивали, а мы так ничего и не смогли придумать. Да, у Ричарда были свои демоны, но работяга он был ещё тот. Пил много и, по правде, особо этого не скрывал. Но как-то умудрялся совмещать выпивку и работу. Он очень гордился тем, что делает. И, насколько я помню, с тех пор как я здесь работаю, ни одного склочного клиента не было.

– Когда вы ждёте строителей обратно? – спросила Хлоя.

– Не раньше конца дня. Но, рискуя показаться грубой, скажу: они вам повторят слово в слово то же, что только что сказала я.

– И всё же хорошо бы иметь возможность с ними поговорить, на всякий случай.

– Без проблем, – сказала Пэтти. Она открыла ящик и порылась в стопке визиток. Затем протянула Хлое три карточ-

ки — по одной на каждого рабочего, — и на этом визит закончился.

Хлоя пробежала глазами по визиткам, когда они вернулись в машину. Она убрала их в карман, а Роудс устроилась на пассажирском сиденье. Телефон у неё уже был в руке — она открывала список недавних звонков. Хлоя усмехнулась, решив, что та думает о том же, о чём и она: нужно наведаться в дом Ричарда Уэллса, а чтобы попасть внутрь, понадобится помощь детектива Андерсона.

Хлоя вырулила обратно на улицу — и сразу убедилась, что права, услышав слова Роудс:

— Детектив Андерсон, это агент Роудс. Вы сможете помочь нам попасть в дом Ричарда Уэллса?

Окрылённая тем, насколько слаженно они с Роудс понимают друг друга, Хлоя поехала дальше и впервые ощутила робкий прилив азарта по делу. Даниэль по-прежнему стояла у неё перед глазами, но с каждой минутой отступала всё дальше.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Истбрук был странным городком. Его деловой центр – всего две-три улицы с магазинами и конторами, а весь остальной город состоял из нескольких жилых кварталов. Многие из них строились на красивых лесистых участках с просторными дворами, а другие были, по сути, лишь дорожными домами, натканными почти вплотную друг к другу.

Именно в таком доме и жил Ричард Уэллс. Дом был хороший – двухэтажный; Хлоя не смогла бы сказать, что он выдержан в каком-то одном стиле, скорее в нём смешалось несколько. Район напоминал тот, где жили Шерри и Бо Ланц, только дома стояли гораздо ближе. Подойдя с Роудс к крыльцу, Хлоя мельком оглядела крохотный дворик и прикинула, что весь участок едва ли тянет на две тысячи квадратных метров.

Андерсон сказал им, что для входа нужен только код от входной двери, и продиктовал его. Роудс набрала пятизначный код, и они без всяких проблем вошли.

Дом Уэллса был чуть меньше, чем у Ланцев; весь нижний этаж – открытое пространство, где выделялись лишь большая гостиная зона, совмещённая кухня-столовая и единственный санузел. Судя по всему, до убийства здесь давно просилась уборка. На журнальном столике в гостиной стояли несколько пустых пивных бутылок, на полу рядом с ди-

ваном валялась пара грязных рабочих ботинок, а в раковине громоздилась гора немытой посуды, уже переливавшаяся через край.

—Согласно отчёту криминалистов, — сказала Роудс, читая с айпада, — тело обнаружил его собутыльник, некий Эл Сойер. Сойера исключили из подозреваемых, потому что за пару дней до убийства у него было не меньше дюжины людей, подтвердивших алиби. Сейчас он в Центральном изоляторе Балтимора, в приёмно-распределительном отделении, — устроил аварию в ночь убийства Ричарда. Ему вменяют вожделение в нетрезвом виде... третье по счёту, так что срок ему светит.

—Он же давал показания, верно?

—Да. Он нашёл Ричарда наверху — тот лежал наполовину в спальне, наполовину в коридоре. Кровь на полу, огромная рана сбоку головы. В отчёте coronera сказано, что рана — результат удара тупым предметом.

Она показала Хлое фотографию раны. Зрелище было довольно жутким, но сразу бросалось в глаза: тем, чем Ричарда Уэллса ударили по голове, Бо Лантца не трогали.

На миг в сознании вспыхнул образ Даниэль. Хлоя подумала, где бы она сейчас была, если бы нашла нечто подобное в отцовском таунхаусе... Даниэль, забитая насмерть вот так.

Она отогнала мысль и снова заставила себя сосредоточиться на работе. Ненавидела, что это даётся так тяжело. А Джонсона — ещё больше за то, что он загнал её в такое по-

ложение.

– И носок во рту тоже, – сказала Хлоя, ткнув в снимок и тут же вернувшись к делу, словно её мысли ни на секунду не сбивались с пути.

Они и так всё это знали, но видеть картинку, стоя в доме убитого, – совсем другое; всё ощущалось новым, чуть более неотложным.

Они поднялись наверх, в спальню, и по пути Хлоя отмечала детали дома. На стене у лестницы висели три фотографии в рамках, одна рядом с другой. Первая была явно старой: мужчина в охотничьей экипировке позировал у заднего борта пикапа. Вторая – школьница на выпускном: во всю ширь улыбка, прямо в камеру. Третья – что-то вроде юношеской футбольной команды; игрокам не больше двенадцати-тринадцати. Хлоя не могла поручиться наверняка, но снимок казался не слишком свежим: не такой выцветший, как тот, с охотником, однако с какой-то дымкой, словно чуть запотевший.

– Известно, у Уэллса были дети? – спросила Хлоя.

– Две дочери. Обе уехали с матерью. Одной двадцать, она скоро заканчивает колледж. Другой пятнадцать.

Когда они вошли в спальню, пятно крови на ковре было невозможно не заметить. Оно начиналось прямо за распахнутой дверью. На самой двери виднелись лёгкие брызги, но почти вся кровь собралась на ковре – в двух больших, неровных кругах. Они осторожно переступили пятна и прошли в

комнату.

Постель была не застелена, на полу валялось несколько грязных вещей, а у кровати лежала небольшая стопка бумаг. Хлоя просмотрела их и увидела, что это два договора на будущие заказы для «Уэллс Констракшн энд Дизайн» – работы, которым теперь, скорее всего, уже не суждено состояться.

Пока Роудс отошла в сторону и проверяла примыкающую ванную, Хлоя подошла к прикроватной тумбочке. Из того, что лежало на ней, второй взгляд заслуживали лишь счёт за мобильный, номер *Sports Illustrated* и бутылочка «Найквила». Потом она перешла к комоду у противоположной стены, где стояло ещё несколько вещей.

Рядом с маленьким осциллирующим вентилятором она нашла фотографию в рамке, положенную лицом вниз. Хлоя подняла её и увидела свадебный снимок: молодожёны в день свадьбы. Ричарда Уэллса она видела только в материалах дела – то есть мёртвым и на фотографиях, – но лицо узнала сразу. Она знала, что женат он был один раз, значит женщина в белом платье рядом с ним – та самая нынешняя бывшая жена, уехавшая в Род-Айленд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.